

чем принято в науке, считают свои концепции единственно правильными, что они игнорируют историю и видят в языке не то, что в нем есть на самом деле, а «строгую» и непротиворечивую систему. Поскольку исходная позиция структурального направления сводится, по определению его оппонентов, к примату отношений над языковой материей, делается вывод, что «возведенный в абсолют релятивизм» весьма далек от марксизма.

Следует, однако, сказать, что с философской точки зрения ни одно из этих направлений в своих крайних проявлениях неприемлемо, ибо, если нельзя абсолютизировать и считать универсальным системно-структурный подход, то это относится в равной мере и к историческому подходу. Сам по себе историзм не означает еще верности марксизму, и его абсолютизация не менее опасна.

Правомерны ли такие отношения между представителями двух названных направлений в советском языкознании, несомненно, мешающие его нормальному развитию? Не настало ли время осознать, что исторический и системно-структурный подходы одинаково необходимы, ибо, только взятые вместе, они отвечают сути универсального диалектико-материалистического метода познания?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к марксистско-ленинской философии, к ленинской теории отражения, к марксистской теории познания. Ибо именно марксистско-ленинское учение, постулируя историзм познания, положило одновременно начало подлинно научному системному анализу и показало его непревзойденные образцы — такие, например, как «Капитал» К. Маркса. Именно в этом труде системный анализ гениально соединен с историческим подходом. Учение о неминуемой смене одних общественно-экономических формаций другими вырастает из системного анализа самих этих формаций, которые рассматриваются К. Марксом как системы с вполне определенной структурой — сетью специфических производственных отношений.

«Маркс,— пишет В. И. Ленин,— положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов... возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений» [4], т. е. структуры общества. К. Маркс сам называет эту совокупность структурой: «В своей общественной деятельности... люди вступают... в определенные необходимые отношения — производственные отношения. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества» [2].

Таким образом, для Марксова учения важны только объективно существующие в обществе *отношения*, закономерности этих отношений, а не достоинства или недостатки отдельных рабочих или капиталистов. Точно так же в языкознании: когда исследователя интересует характер целого, а не частей этого целого, в центре его внимания окажутся, естественно, только общие, объективно существующие связи и закономерности этих связей. Поэтому аналогия Ф. де Соссюра между языком и шахматной игрой, для которой безразлично, из чего сделаны фигуры, из дерева или слоновой кости, в целом верна, только толковать ее нужно соответствующим образом; ведь его интересовали общие свойства и особенности языка как общественного явления, а не индивидуальные свойства и особенности отдельного языка (с позиций же последнего, конечно, далеко не безразлично, «из чего сделаны фигуры»).

Но и здесь важно знать, что и с какими целями берется в качестве системы — язык вообще, отдельный представитель этого феномена или отдельный этап его развития. От решения данного вопроса зависит, какие законы ищет наука в языке — единые и вечные для всех времен и народов или конкретно-индивидуальные для каждого языка или фазы его развития. В этом коренное различие марксистских и немарксистских взглядов